

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ В «ЕСТЕСТВЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ»: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

АЛЕЙНИКОВ А. В.,

доцент Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор философских наук

ПИНКЕВИЧ А. Г.,

доцент Санкт-Петербургского государственного университета,
кандидат политических наук
(Санкт-Петербург)

Трактовка Д.Нортом, Д. Уоллисом и Б. Вайнгастом как прогресса, так и его последующего торможения является, безусловно, важнейшим шагом в развитии конфликтологической интерпретации российской истории. В центре исследования находится решение проблемы насилия в различных социальных порядках, выбор механизмов доступа к экономическим или политическим ресурсам, то есть контроля над насилием и перераспределением. Они классифицируют все существующие политические устройства на два типа – государство открытого и государство ограниченного доступа («естественное государство»).

В порядках «открытого доступа» конфликты разрешаются такими институтами как суд, полиция, система обеспечения социальных благ, которые эффективно обеспечивают мир и порядок. Эффективность достигается устойчивым балансом институтов и их деперсонализацией, публичным контролем над носителями легитимного насилия. «Порядок ограниченного доступа» характеризуется таким способом институционализации конфликта, при котором одни индивиды или группы людей с помощью различных средств внешнего принуждения и манипулирования подчиняют себе сознание, волю, способности, собственность и свободу других в целях овладения и распределения ресурсов. Структура насилия строится на технике обесценивания его объекта, на непризнании за ним каких-либо достоинств, прав, суверенности, на силовом принуждении к тому, что считает правильным

или желательным обладатель ресурсов. Напомним, что и Дарендорф указывал на такие существенные характеристики конфликтов, как насилие и интенсивность. Система использования институциональных ресурсов насилия «снимает» конфликт, принуждая другие социальные группы к признанию тождества узкогрупповых или отдельных институциональных, ведомственных, даже корпоративных интересов в качестве национальных, государственных интересов «всего целого». Безусловно, насилие в этом контексте не отождествляется с физическим принуждением «на основе средств телесного воздействия», хотя его актуализация есть один из индикаторов деструктивности конфликта. Фундаментальное значение имеет структурная и символическая форма насилия, применение которого является «также кульминационным пунктом конфликта, в котором неизбежно должно выяс-

ниться, кто из сторон конфликта одержит победу» (Н. Луман).

Норт с соавторами утверждают, что для ненасильственного разрешения конфликтов возникают организации, защищающие своих членов от внешнего насилия и налагающие санкции на «своих», нарушающих установленные правила конфликтного взаимодействия. Все это приводит к появлению государства как механизма, ограничивающего насильственные способы разрешения конфликтов. На первых этапах «естественное государство», «порядок ограниченного доступа» является системой персонализированных договоренностей между «специалистами по насилию», возглавляющими отдельные кланы и формирующими элиту нового общества. Для них отказ от насилия рационален, если элита регулярно получает достаточную компенсацию, или ренту.

Отсюда ограничение в доступе к экономической и политической деятельности, создающее ренту. Но подобный социальный порядок Норт называет «хрупким», поскольку он держится на личных привилегиях для «специалистов по насилию», а любое изменение баланса сил между ними приводит к ревизии ранее достигнутых договоренностей о «ненападении».

Государство в порядках ограниченного доступа – совокупность конфликтующих кланов, опирающихся на подконтрольные экономические, политические и силовые ресурсы.

Лишь в наиболее развитых странах консенсус элит в рамках демократических институтов конфликто разрешения обеспечивает условия для поддержания централизованного политического контроля над насилием.

В концепции Норта прогресс в развитии общества связан с появлением наряду с личными отношениями, регулирующими конфликты, системы без-

личностных норм и правил, определяющих конфликтное взаимодействие. Безличность и есть верховенство права, законность.

Стабильность порядка ограниченного доступа определяется его способностью поддерживать динамический баланс в конфликте интересов путем осуществления контроля за исполнением договоренностей, демонстрации убедительной угрозы применения силы для предотвращения нарушения договоренностей одной из групп, возможности разрешения конфликтов путем переговоров без прямого применения силы. В основе естественного государства лежат патрон-клиентские сети, обеспечивающие необходимый минимальный уровень доверия. Здесь те же самые институты – суд, полиция, система обеспечения социальных благ – срабатывают принципиально иначе, чем при «открытом доступе». Законы и нормы становятся в первую очередь инструментом сбора рент, а управление конфликтами посредством институтов представляется пактом элит (группировок и сообществ, контролирующих те или иные важные ресурсы) о ненападении.

Подобная система санкций за нарушение правил и норм конфликто разрешения, сложившихся договоренностей о «коллективной безопасности» приводит и к ограничению «деструктивного» или «силового» предпринимательства (потенциальная отдача от применения насилия становится меньше связанных с этим издержек), и к появлению стимулов к более производительным видам деятельности.

Общества «открытого доступа» – скорее исключения, социальный идеал, возникшие лишь в последние 200 лет и в долгосрочной исторической перспективе еще не показавшие способности к уверенному расширению своего влия-

ния на другие страны. Условия перехода от естественного государства к порядку открытого доступа заключаются не только в уничтожении устаревших политических и экономических форм, но и в создании институтов и процедур, обеспечивающих «помещение» объективно и необходимо сохраняющихся конфликтов в некую «социальную плазму» (Р. Дарендорф), в которой они локализуются и деинтенсифицируются, а их разрушительная сторона минимизируется.

Переход к порядку открытого доступа – это и создание основы для новых конфликтов и противоречий, но с созданием легитимных и эффективных процедур их протекания на основе политики осознанного принятия социальной конфликтности как неотъемлемой черты нормального общества и отказа от принципа “кто не с нами – тот против нас”, от понимания другого/иного как врага.

В «нормальных» обществах конфликтность «перекрывается» поиском институционализированного сотрудничества, акцентами на социальных механизмах и связях.

С этих позиций существуют различные типы конфликтного стиля общества. Первый тип, не допуская острых вспышек, предоставляет “обеим сторонам безотлагательную возможность для прямого выражения противоречащих друг другу требований, элиминировать источник недовольства, искоренить причины внутреннего разобщения и восстановить социальное единство” (Л. Козер). Данный стиль, можно, используя концепцию американского политического философа И.М. Янг, назвать “коммуникативной демократией”. Она разделяет переговорную демократию, коммуникация в которой основывается на строго аргументативной дискуссии, и коммуникативную демократию, которая стремится выйти за рамки только аргу-

ментативного дискурса и для которой важны все коммуникативные ресурсы, позволяющие той или иной социальной группе выразить свою позицию и социальный опыт. Именно этот коммуникативный потенциал, который может находиться в обществе в скрытом, деформированном или, напротив, открытом виде, и определяет, в нашей трактовке, конфликтные стили общества.

Противоположный стиль “коммуникативного разрыва” связан с подавлением конфликтов, который обеспечивается насильно, путем вмешательства власти. Данный вариант конфликто разрешения может положить начало спирали социального разрушения, упадку и полной дезинтеграции общества. По З. Бауману общество обречено на умирание, на полный коллапс социально-нормативной системы, если отмирание традиционных институтов не восполняется новыми институтами неформального общения и социального контроля. Напомним, что такой конфликтный стиль Ральф Дарендорф сравнивал со злокачественной опухолью, утверждая, что тот, кто не умеет регулировать конфликты путем их признания, тот сам создает себе проблемы.

Таким образом, логика конфликтов и причины их возникновения заложены в особенностях политико-экономических систем. Развитие и результаты конфликтов определяются не только особенностями институциональной среды, условиями доступа и формы участия групп интересов в политическом процессе, но и историческими особенностями со следующими «конфликтологическими» характеристиками:

- конфликтная композиция институтов из разных исторических эпох, разных социальных систем – противоречия новых социальных организаций и форм взаимодействия, институциональных структур (бизнес, массовые коммуника-

ции, образцы потребления и образы жизни) и неизменности структур бесконтрольной власти;

- «государство-рынок», его глава, выступает в роли верховного арбитра в конфликтах между ведомствами и кланами, исходя из неписаных норм, а не является гарантом всеобщего интереса, т.е. соблюдения законодательно установленных безличных правил поведения, единых законов, как главного инструмента урегулирования конфликтов, фиксирует обязанности и ответственность за его нарушения, но не обеспечивает и не гарантирует прав, в том числе права собственности;

- ключевая и структурообразующая роль патронажно-клиентарных отношений в определении правил разрешения конфликтов, при которых функция согласования различных частных интересов между собой осуществляется через механизм распространения этнических, региональных, конфессиональных, семейно-родственных и тому подобных связей на политическую сферу;

- персонализированный характер политического управления конфликтами, его слабая рационализация, при которой изначально второстепенными являются все институты конфликто разрешения, являясь лишь средством и инструментом реализации стратегии «первого лица», замыкающего на себя формальные и неформальные рычаги управления;

- элементы политической системы лишены традиционной практики согласований и координации, а институты конфликто разрешения имеют неопределенные и пересекающиеся функции и юрисдикции, что порождает пренебрежение к установленным правилам и процедурам;

- государство фрагментировано на кланы, которые находятся в состоянии непрекращающихся внутривластных

конфликтов по поводу контроля над финансовыми потоками;

- «привластная прослойка» (так называемая элита), сконцентрированная на личном обогащении, существенно отчуждена от населения, между «элитой» и «простыми гражданами» практически нет вертикальных отношений, «вертикаль власти», по образному определению одного политолога, представляет собой не «вертикаль управления», а «вертикаль бегства» — это веревка альпиниста для небольшого количества друзей и приятелей, которые могут подняться по ней вверх и тем самым ускользнуть от своих менее удачливых сограждан;

- публичные конфликты между группами внутри элиты, борьба за влияние и финансовые потоки находятся под контролем с целью избегания их открытого манифестирования в широком политическом пространстве.

Социальные конфликты не управляются, а «гасятся». В «естественном государстве» управление конфликтами осуществляется с помощью принуждения и благотворительности за счет создания доминирующими группами ренты на основе ограниченного доступа к ресурсам. В социальном порядке «открытого доступа», которое берет внутренние конфликты под демократический контроль, гражданам обеспечен равный доступ к управлению ресурсами за счет снятия правовых и экзистенциальных конфликтов между элитой и народом. Таким образом, в исследуемых нами «естественных государствах» преобладают неформальные институты конфликто разрешения, основанные на патронате и клиентарном обмене лояльностью.